

В.П.Сударев

Территориальные конфликты не уходят в прошлое

Статья посвящена анализу состояния и перспектив урегулирования территориальных споров в Латинской Америке, в которых в той или иной форме задействовано большинство государств региона. Особое внимания уделено наиболее взрывоопасным спорам, далеким от разрешения и существенно влияющим на международные отношения. Определенный акцент также делается на влиянии великих держав на пограничные проблемы и на столкновении их интересов в поисках путей урегулирования.

Ключевые слова: конфликт интересов, генезис конфликтов, Боливия, Мальвинские острова, Антарктида.

DOI: 10.31857/S0044748X0002315-5

На протяжении почти двух веков пограничные споры, нередко перераставшие в открытые столкновения, являлись своеобразной «фамильной» чертой международных отношений в Латинской Америке. Действительно, трудно найти какой-либо иной регион планеты, столь плотно окутанный сетью территориальных претензий одних государств к другим.

Не будем углубляться в далекую историю, тем более что эта тема подробно освещена в отечественной историографии. Напомним лишь, что отсутствие четких границ между испанскими генерал-капитанствами и генерал-королевствами и послужило после обретения независимости молодыми республиками Латинской Америки поводом для возникновения многочисленных конфликтов, а порой и кровопролитных войн между ними. При этом многие из этих событий оставили глубокий след в истории, из поколения в поколение лишь переходя из одной фазы в другую, но не меняясь по сути.

На рубеже прошлого и нынешнего веков наметилось обострение целого ряда конфликтов, что во многом было связано с возросшей политической гетерогенностью региона. Как и на протяжении всего периода независимой истории, пограничные проблемы давали правящим элитам прекрасный повод для сплочения вокруг себя населения на основе формирования образа

Владимир Петрович Сударев — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (v.sudarev@mtu-net.ru).

«внешнего врага» и, соответственно, спекулирующей на тему нарастания угроз национальной безопасности.

В начале XXI в. эта тенденция оказалась частично нейтрализована интенсивным развитием интеграционных процессов. Появление таких новых межгосударственных образований, как Союз южноамериканских государств (Unión de Naciones Suramericanas, Unasur), Боливарианский альянс для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA), Сообщество латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) послужило некоторой нормализации отношений между бывшими соперниками. Однако это не привело к окончательному урегулированию большинства пограничных проблем. Рассмотрим те из них, которые, несмотря на обозначенную выше тенденцию, сохранили остроту и в среднесрочной перспективе по-прежнему далеки от разрешения.

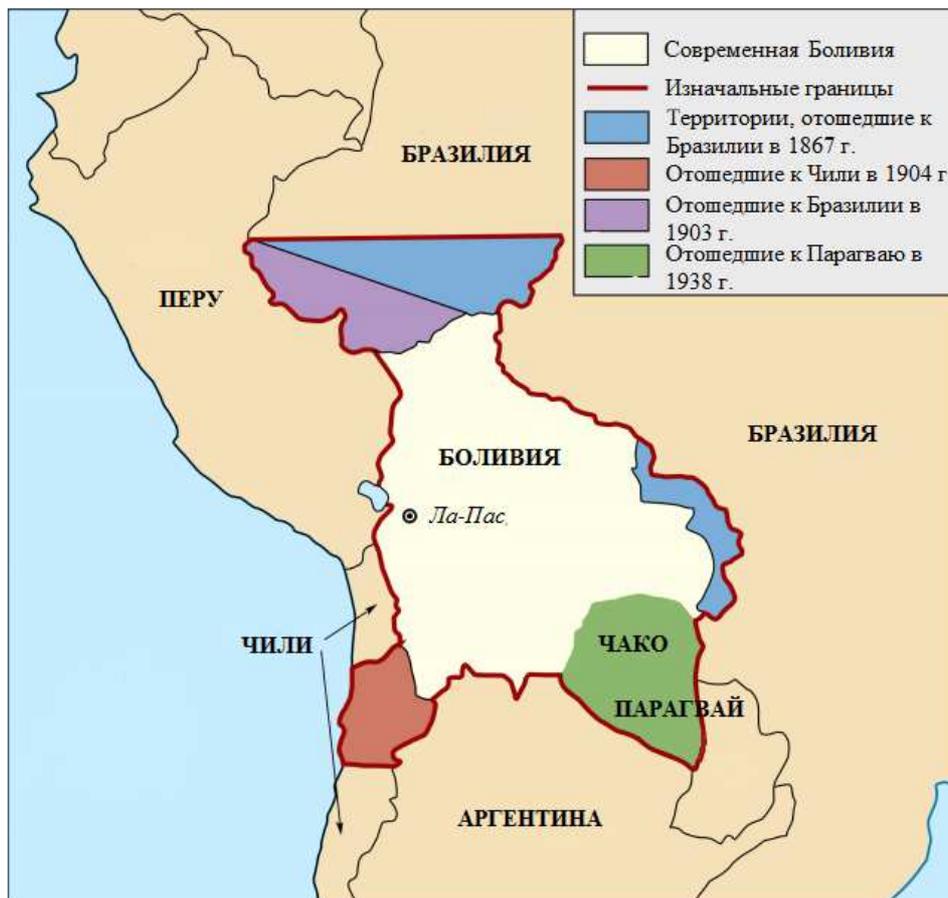
В первую очередь это, конечно же, конфликтная ситуация между **Перу, Чили и Боливией**, связанная с выходом последней к Тихому океану. Этот так называемый андский треугольник относится к разряду самых трудно-разрешимых территориальных споров и серьезно дестабилизирует обстановку в регионе, а возможности воздействия на него мирового сообщества весьма ограничены¹.

На протяжении всего прошлого века конфликт только обострялся, тем более что для Боливии вопрос выхода к морю стал не просто национальной идеей, а чем-то вроде комплекса, который испытывала страна, незаслуженно потерявшая в ходе второй Тихоокеанской войны 1879—1883 гг. принадлежавшие ей приморские территории. В течение всего XX в. это был, пожалуй, главный вопрос, который боливийцы регулярно ставили на всех международных форумах, включая сессии генеральных ассамблей Организации американских государств (ОАГ) и ООН.

Чили же отстаивала свою позицию, отмечая, что она основана на уважении международного права и, в частности, договора 1904 г., установившего ныне существующие границы. Тем более что чилийская сторона в этой не на шутку развернувшейся пропагандистской войне постоянно акцентировала внимание на том, что не она отобрала у Боливии морское побережье, а что к такому результату привели бездарность боливийского военного руководства и авантюризм политической элиты этой страны. Напомним, что дипломатические отношения между двумя государствами были разорваны еще в 1972 г.

Косвенно проблема выхода к морю касалась и Перу. Согласно подписанному соглашению с Чили, последняя не имела права предоставлять завоеванную у Перу территорию какой-либо третьей стороне². При этом перуанцы традиционно блокировали возможность предоставления Боливии коридора по своей бывшей территории. А именно такое решение, в принципе, выглядело бы вполне логичным, так как при этом Чили избегала бы расчленения своей территории.

Территориальный спор вступил в активную фазу в начале XXI в. Это было связано с возникшим проектом строительства газопровода из Боливии к тихоокеанскому побережью с последующей транспортировкой газа на западное побережье США. Чили как раз в этот период столкнулась с перебоями в поставках газа из Аргентины, что создало критическую ситуа-

цию в северных районах страны. А рядом было одно из крупнейших в мире месторождений газа в Боливии, где получил распространение лозунг «море в обмен на газ». Кроме того, боливийской дипломатии удалось привлечь международную общественность на свою сторону. О готовности к посредничеству заявили целый ряд латиноамериканских государств, а также ОАГ. В этих условиях Чили все сложнее было «закрывать» формулой, по которой территориальный спор — это вопрос исключительно двусторонних отношений, и к тому же чилийская сторона не собиралась обсуждать проблему своей суверенной территории. Имело место определенное возобновление контактов.

На наш взгляд, в период первого президентства Мишель Бачелет (2006—2010) стороны сделали существенный шаг, чтобы, по крайней мере, приблизиться к решению проблемы. Была создана двусторонняя комиссия, специалисты которой анализировали все области отношений двух государств, начиная от разминирования общей границы и заканчивая расширением связей в торгово-экономической сфере. Но самое главное: специальный комитет приступил к рассмотрению «морской проблемы» Боливии.

Ситуация заметно изменилась после победы на выборах в Чили 2010 г. Себастьяна Пиньеры, представителя правой оппозиции, которая традиционно занимала более националистическую позицию в отношении Боливии.

Хотя многосторонняя комиссия продолжала работать, было очевидно, что при этом президенте ни на какие уступки Чили не пойдет.

В таких условиях президент Боливии Эво Моралес выдвинул требование к чилийскому лидеру — до 23 марта 2011 г. предложить конкретный план решения проблемы. Естественно, не получив его, боливийский президент заявил о передаче требования в Международный суд в Гааге.

С победой на выборах в 2017 г. С.Пиньеры и присущей ему жесткой позицией по вопросу спора с Боливией разрешение этой проблемы, очевидно, откладывалось еще на неопределенный срок. Этому в немалой степени способствовал объявленный Международным судом в Гааге 1 октября 2018 г. вердикт по поводу упоминавшегося выше иска Боливии, в котором этому государству было по существу отказано. Это вызвало настроения чуть ли не эйфории у правительства С.Пиньеры. При этом настроения в чилийском обществе в отношении проблемы выхода Боливии к морю существенно ужесточились. Согласно опросу чилийского агентства «Cadem», 82% чилийцев на прошедших в 2017 г. президентских выборах не отдали бы свои голоса за кандидата, который был бы готов предоставить Боливии суверенный выход к Тихому океану через территорию Чили³.

В результате, несмотря на предложение Международного суда обеим сторонам продолжить диалог, вряд ли он окажется сколько-нибудь результативным, а территориальный спор по-прежнему еще в течение длительного периода времени будет дестабилизировать обстановку в этом районе мира.

Аргентина — Великобритания. Спор о принадлежности Мальвинских (Фолклендских) островов, в 1982 г. уже приведший к кровопролитному вооруженному конфликту, в последние десятилетия продолжал дестабилизировать не только отношения между двумя государствами, но и обстановку в южной Атлантике в целом. Более того, спустя 30 лет после завершения боевых действий конфликт как бы обрел «второе дыхание». Во-первых, сам факт тридцатилетия был отмечен аргентинской стороной в апреле 2012 г. массовыми акциями с требованием к Великобритании сесть, наконец, за стол переговоров, к чему, кстати, неоднократно призывал и комитет ООН по деколонизации. Во-вторых, конфликт подхлестнуло обнаружение и начало разработки Великобританией крупных нефтяных месторождений на шельфе архипелага⁴.

Английская сторона, как бы идя навстречу Аргентине, которую подерживало все большее число государств мира, в том числе и США, призывавшие к переговорам, в 2013 г. организовала референдум среди жителей островов. Более 90% проголосовавших, как и ожидалось, высказались за то, чтобы остаться под юрисдикцией британской короны. И хотя аргентинская сторона заявила, что референдум был проведен с очевидными нарушениями и, в частности, вне контроля международных наблюдателей, его результаты были признаны большинством государств⁵.

Спустя год это, кстати, подтолкнуло тогдашнего президента Аргентины Кристину Фернандес де Киришнер (2007—2015) поддержать позицию России по Крыму. Неожиданно для многих спустя несколько дней после голосования в Совете Безопасности ООН, в ходе которого Аргентина проголосовала за непризнание результатов референдума по Крыму, она фактически дезавуировала позицию своего представителя в этой международной организации. При этом К.Фернандес де Киришнер заявила, что «многие крупные державы, которые закрепили за народом Фолклендов право на самоопределение, сейчас не хотят

сделать то же самое в отношении Крыма. Как вы можете называть себя гарантиями мировой стабильности, если не применяете ко всем одни и те же стандарты? Получается, что крымчанам нельзя изъяслять свою волю, а жителям Фолклендов можно? В этом же нет никакой логики!»⁶.

Победивший на президентских выборах в Аргентине в 2015 г. Маурисио Макри, стремящийся преодолеть изоляционистские тенденции во внешней политике предыдущего президента и максимально интегрировать страну в конструктивные отношения с ведущими мировыми державами, изначально обозначил новую линию в отношении Мальвин. Он, в частности, заявил о «демальвинизации» курса страны в международных отношениях, то есть о снижении активности по данному вопросу. Это, однако, вряд ли способно окончательно погасить конфликт.

Что будет с Мальвинами дальше, учитывая, что силовое решение, аналогичное имевшему место более тридцати лет назад, практически исключено? Как представляется, единственный вариант урегулирования может быть только «мягким». Речь идет и о возобновлении регулярного воздушного сообщения, и о расширении торговли, учитывая, что Аргентина находится куда ближе к островам, чем Великобритания, и имеет возможность поставлять туда и тропические фрукты, и целый ряд товаров, которые англичанам везти за 10 тыс. миль куда накладнее. Кстати, Чили уже совершила несколько подобных «продовольственных» рейсов, чем заслужила благодарность жителей островов. Если Аргентина оставит свой враждебный тон и перейдет к акциям гуманитарного характера, то возможно в будущем жители архипелага смогут изменить свое отношение к этой стране.

Некоторые менее масштабные территориальные споры, по которым Международный суд ООН, казалось бы, уже вынес окончательное решение, хотя и пребывают в латентной фазе, однако в любой момент могут вспыхнуть с новой силой⁷. В первую очередь речь идет о пограничном конфликте между **Никарагуа** и **Колумбией** по вопросу принадлежности находящегося на стыке морских границ двух государств архипелага Сан-Андреас, Провиденсия и Санта-Каталина.

Продолжаясь на протяжении почти двух веков, спор разгорелся с новой силой в 2001 г., когда Никарагуа подала иск против Колумбии в Международный суд. Судебное решение 2007 г. не смогло окончательно разрешить конфликт. По заключению суда острова Сан-Андреас, Провиденсия и Санта-Каталина официально являлись колумбийскими, однако в зоне архипелага находилось множество мелких островов, принадлежность которых продолжала вызывать вопросы. Кроме того, Никарагуа настаивала на том, что колумбийская морская граница, проходящая по восьмьдесят второму меридиану, незаконна. Колумбия также осталась недовольна решением суда, так как Никарагуа досталось побережье Москито, на которое претендовали колумбийцы.

Началась новая волна судебных разбирательств. В ноябре 2012 г. Гаагский суд вынес новое постановление. Колумбии был предоставлен суверенитет над дополнительными семью островами в Карибском бассейне, но при этом морская граница Никарагуа была расширена на 75 км², что в свою очередь предоставило этой стране дополнительный доступ к рыбному промыслу, а также позволило вести добычу природного газа и нефти. Таким образом, создалась патовая ситуация, при которой Колумбии принадлежали все острова, включая самые крохотные, но окружали их никарагуанские воды.

Президент Никарагуа Даниэль Ортега заявил о безоговорочном признании решения Международного суда, которое назвал «национальной победой всех никарагуанцев». Подчеркнув, что жители островов, оставшихся за Колумбией, смогут беспрепятственно пользоваться морскими ресурсами, Ортега потребовал от Колумбии компенсации за многие годы эксплуатации природных ресурсов, признанных никарагуанскими. При этом он заявил о готовности создать комиссию для совместной с колумбийской стороной подготовки практического исполнения судебного решения. Руководитель Никарагуа также напомнил, что бывший президент Колумбии Альваро Урибе (2002—2010) на саммите Группы Рио в Санто-Доминго (март 2008 г.) публично заверил, что его страна выполнит решение Международного суда ООН.

Решение Гаагского суда от 19 ноября 2012 г. было встречено массовыми акциями протеста в крупнейших городах Колумбии и на самом архипелаге. Президент республики Хуан Мануэль Сантос (2010—2018), позитивно оценив решение о признании юрисдикции Боготы над архипелагом, в то же время осудил пересмотр морской границы в пользу Никарагуа и выразил готовность применить различные механизмы отстаивания национального суверенитета. При этом Х.М.Сантос заявил о выходе Боготы из договора, признающего легитимность и обязательность решений, принимаемых Международным судом, поскольку, по его мнению, решения о межгосударственных границах должны приниматься самими государствами, а не наднациональным органом, и призвал никарагуанскую сторону сесть за стол переговоров по этому вопросу.

Позиция Колумбии формально основывалась на том, что, согласно ст. 101 Конституции, любое изменение колумбийской территории должно

происходить путем подписания международного соглашения с последующей его ратификацией конгрессом страны. По словам Сантоса, решение суда полностью нарушало международные соглашения, подписанные с другими латиноамериканскими странами.

Помимо этого у колумбийских властей возникли небезосновательные опасения, что потеря территориальных вод у архипелага будет представлять угрозу безопасности страны, поскольку в данной зоне участились случаи нелегальных перевозок людей, валюты, оружия и наркотиков. Ранее эти действия жестко пресекалось кораблями военно-морских сил Колумбии, патрулировавшими этот район. Изменение морской границы может существенно ухудшить ситуацию в субрегионе в связи с ограниченностью ресурсов никарагуанских ВМС. На это обращали внимание представители Колумбии в Гааге, однако суд не принял во внимание данные аргументы.

Говоря о перспективах урегулирования спора, следует признать, что решение Международного суда ООН, создавшее юридический тупик, было явно неудачным. Кроме того, на позиции сторон существенно влияла внутривнутриполитическая обстановка. Оба президента, порой намеренно разжигая националистические настроения, стремились, и не без успеха, повысить свой в целом невысокий рейтинг. Это относилось и к Никарагуа, и к Колумбии. В этих условиях трудно было ожидать прогресса в разрешении спора.

Никарагуа — Коста-Рика. Это один из наиболее типичных примеров того, как территориальные споры, казалось бы, прочно вошедшие в латентную фазу, так что о них уже стали забывать, неожиданно возобновляются.

Согласно неоднократно подписанным в XX в. двусторонним договорам граница проходила по руслу р. Сан-Хуан. Однако к концу прошлого века спор резко обострился. Во многом это было связано с тем, что в 80-х годах армия Никарагуа стала патрулировать пограничную реку в целях борьбы с «контрас», а позже — с наркотрафиком.

В 2002 г., после того, как в Никарагуа была опубликована карта участков возможной разведки шельфа на нефть и газ, между двумя странами возникли разногласия, касающиеся использования приграничных морских пространств. Проведенные по инициативе Коста-Рики в 2002—2005 гг. пять раундов переговоров практически ничего не дали.

В 2005 г. Коста-Рика обратилась в Международный суд ООН с иском к Никарагуа по поводу нарушений договоров о р. Сан-Хуан. При этом ставился вопрос о праве Сан-Хосе обеспечивать там безопасность военными средствами. Решением 13 июля 2009 г. суд признал за Коста-Рикой право на коммерческое судоходство по р. Сан-Хуан, но не на военное патрулирование, а за Никарагуа — на расчистку русла и регулирование навигации.

Новый виток напряженности возник в конце 2010 г. 18 октября никарагуанская сторона начала дноуглубительные работы и расчистку русла реки. Одной из целей было исследование возможности строительства межокеанского канала, альтернативного панамскому. К границе были направлены подразделения никарагуанской армии и полицейских сил Коста-Рики. 21 октября Коста-Рика выразила Никарагуа протест в связи с «нарушением суверенитета», поскольку извлеченный драгами грунт выбрасывался на коста-риканский берег. По версии

Коста-Рики 1 ноября 2010 г. части никарагуанской армии пересекли Сан-Хуан и расположились на острове Калеро.

14 ноября 2010 г. в результате голосования в Постоянном совете ОАГ 22 члена организации из 27 потребовали от Никарагуа вывести войска с занятой территории и призвали обе стороны к проведению переговоров. Однако просьба правительства Коста-Рики о размещении на границе меж-американских сил была отклонена. Резолюция ОАГ ограничилась призывом к сторонам отвести вооруженные силы от спорного участка. Никарагуанские власти отказались следовать решению ОАГ и заявили, что оно не имеет юридической силы, поскольку Постоянный совет данной организации лишен полномочий по урегулированию территориальных споров. Сама же резолюция была охарактеризована как провокационная.

Следующий этап напряженности возник после того, как вопрос о строительстве межокеанского канала перешел в практическую плоскость. 13 июня 2013 г. никарагуанский парламент одобрил законопроект о разрешении строительства трансокеанского канала. Особую роль в этом проекте сыграл Китай, кровно заинтересованный в его реализации. При этом Пекин в известном смысле завуалировал свое присутствие и, главное, — свой истинный интерес, поручив осуществление проекта миллиардеру из Гонконга Ван Цзину. После строительства канала, а также двух глубоководных портов и аэропорта все вышеперечисленные объекты на ближайшие 100 лет фактически переходили в собственность китайского бизнесмена⁸.

Характерно, что Си Цзиньпин, встречаясь в 2013 г. с президентом Коста-Рики Лаурой Чинчильей (2010—2014), которая пожаловалась китайскому лидеру на экологический ущерб от строительства в соседней Никарагуа трансокеанского канала, постарался всячески успокоить ее. Он заявил, что Китай не имеет к этому никакого отношения, и пообещал, что приложит все усилия к тому, чтобы добиться выправления плана строительства, чтобы тот ни в коем случае не затронул Коста-Рику⁹.

Другим поводом для обострения конфликта стало принятое в ноябре 2012 г. Международным судом решение по территориальному спору Никарагуа и Колумбии, признавшее значительную часть водного пространства и дна Карибского моря за Никарагуа. В июле 2013 г. никарагуанские военные приступили к патрулированию этой акватории.

В целом же в последние годы конфликт, очевидно, вышел из латентной фазы, в которой пребывал в течение большей части XX в. Следует признать, что в каком-то смысле он действительно был спровоцирован действиями никарагуанской стороны, направленными на изменение сравнительно долго существовавшего в этом районе status quo.

Почти аналогичная ситуация сложилась в начале октября 2011 г. между **Венесуэлой** и соседней **Гайаной**. Венесуэла традиционно оспаривала у Гайаны около 168 км² морской территории еще со времен получения последней независимости от Великобритании в 1966 г. При этом Гайана в августе 2011 г. официально обратилась в комиссию по границам континентальной платформы ООН с целью юридически закрепить за собой этот участок морской территории.

Показательно, что Венесуэла в тот период заняла столь не свойственную режиму Уго Чавеса примирительную позицию, заявив о признании

полной компетенции ООН в этих вопросах. Это нашло выражение в декларации, подписанной в том же году министрами иностранных дел двух стран в г. Порт-оф-Спейне (Тринидад и Тобаго), в которой была выражена обоюдная заинтересованность в продолжении диалога и обмене актуальной информацией.

Как это неоднократно бывало в латиноамериканской истории, вопрос сразу же был политизирован. В данном случае венесуэльская оппозиция режиму уже нового президента Николаса Мадуро обвинила его в излишней терпимости и стремлении продвинуть латиноамериканскую интеграцию в ущерб национальным интересам. Венесуэльский лидер, всячески стремившийся в последние годы сформировать образ «внешнего врага», чтобы хоть как-то обеспечить поддержку населения в условиях катастрофического положения в экономике, занял в сравнении со своим предшественником куда более жесткую позицию в отношении Гайяны.

Мы подробно рассмотрели лишь насколько территориальных споров, периодически переходящих из латентной фазы в активную. На самом деле территориальных претензий одних государств к другим значительно больше. Большинство из них находятся в замороженном состоянии, но при определенных обстоятельствах, как показали приведенные выше примеры, может неожиданно вспыхнуть. Таковы пограничные споры между **Гватемалой и Белизом, Колумбией и Венесуэлой.**

Не исключено, что одной из потенциально конфликтных зон в ближайшие десятилетия станет **Антарктика**. Некоторые ученые уже относят пресную воду к разряду стратегического сырья недалекого будущего. 70% ее мирового запаса сосредоточено именно в Антарктиде, в недрах которой, помимо того, обнаружены, пусть пока и технически недоступные, огромные запасы топливно-энергетического сырья и иных полезных ископаемых.

Пока международный режим пользования шестым континентом, который заморозил все территориальные претензии и обозначил исключительно мирный характер присутствия, регулируется вступившим в силу в 1961 г. договором, подписанным 45 странами. Но проблема заключается в том, что претензии на владение конкретными секторами южного материка реально существуют. Их имеет целый ряд западноевропейских государств. Не отстала и Латинская Америка. **Чили и Аргентина** уже «расчертили» свои сектора, ссылаясь на то, что эти районы являются продолжением их национальных территорий. О своих претензиях открыто заявила **Бразилия**. К Антарктиде подбираются и **США**. Отнюдь неслучайно они воспользовались заинтересованностью правительства М.Макри в стратегическом партнерстве. Идя на встречу Вашингтону, президент Аргентины в июле 2018 г. принял решение о размещении на территории страны трех американских военных баз. При этом одна из баз будет располагаться в провинции Огненная Земля, с территории которой легко контролировать значительную часть Антарктики.

В целом же, как представляется, уже в ближайшем будущем потребуются обновленный международный договорно-правовой механизм пользования Антарктидой взамен договора, подписанного более 50 лет назад, который уже не соответствует реалиям сегодняшнего дня.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ В.П.Сударев. Латинская Америка: новые геополитические вызовы. М., МГИМО-Университет, 2015, с.62-67. [V.P.Sudarev. Latinskaya Amerika: novye geopoliticheskie vyzovy] [Latin America before new geopolitical challenges]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2015, p. 62-67.

² Ibid., p. 68.

³ Available at: https://elpais.com/internacional/2018/10/01/america/1538412280_...

⁴ И.А.Гриценко. 30 лет спустя: эскалация напряженности в Южной Атлантике. — Латинская Америка, 2012, № 5, с. 52-54. [I.A.Grizenko. 30 let spustia: escalazia napriazennosti v Yznoy Atlantike] [30 years later: escalation of tensions in South Atlantic]. Latinskaya Amerika, 2012, № 5, p. 52-54.

⁵ А.Д.Щербачова. К вопросу о развитии геополитической мысли в Аргентине. — Латинская Америка, 2018, № 4, с. 20. [A.D.Sherbacova. K voprosu o razvitiu geopoliticheskoi misli v Argentine] [The development of geopolitical thinking in Argentina]. Latinskaya Amerika, 2018, № 4, p. 20.

⁶ В.П.Сударев. Латинская Америка: новые геополитические вызовы. М., МГИМО-Университет, 2015, с. 248. [V.P.Sudarev. Latinskaya Amerika: novye geopoliticheskie vyzovy] [Latin America before new geopolitical challenges]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2015, p. 248.

⁷ В.П.Сударев. Латинская Америка в новом геополитическом измерении. — Латинская Америка, 2011, № 5, с. 8-9. [V.P.Sudarev. Latinskaya Amerika v novom geopoliticheskom izmerenii] [Latin America in new political dimensions]. Latinskaya Amerika, 2011, № 5, p. 8-9.

⁸ V.P.Sudarev. Nueva hoja de ruta de Xi Jinping. Iberoamerica, 2018, № 2 (abril-julio), p. 34. — Available at: <http://www.iberoamericajournal.ru> (accessed 11.08.2018).

⁹ Available at: <http://www.noticiasabs.com/2016/12/27/america-latina-2017-ante-la-paralisis-del-impulso-reformista/> (accessed 25.01.2017).

Vladimir P. Sudarev (v.sudarev@mtu-net.ru)

Doctor of Sci. (Policy), Professor, Main Research Associate in the Department of Political Studies of the Institute of Latin American Studies of the RAS

Territorial disputes still survive

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the perspectives of solution of the main territorial conflicts in Latin America in which are engaged the majority of the countries of the region. Special attention is paid to the most explosive of them which are far from the definite arraignment. Besides the accent is maid on the influence of the main extra regional grate powers and the collision of their interests in the process of the solution of the frontier problems.

Key words: conflict of interests, Bolivia, Falkland islands, Antarctic.